

ЛИЛА КАТТЕН

Борись за неё
ИЗМЕНА

Ли́ла Катте́н
Измeна. Бори́сь за не́ё
Сeрия «Измeны», кнiга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69985279

SelfPub; 2023

Аннотация

– Это Паша? Не так ли, Люб? – спросила подругу.– Диан... – завывала, стоя позади. Подруги не плачут, занимаясь сексом с мужьями своих подруг. Не так ли?– Если ты не против, я бы тебя попросила помолчать и позволить остаться в квартире примерно на несколько минут, поговорить с мужем, когда он выйдет из твоей ванной. Дверная ручка опустилась, и вымытый дочиста муж вышел в одном полотенце, наткнувшись на меня.– Прежде, чем твой мерзкий рот что-то произнесет, я тебя опережу и скажу, что стою тут не банальщину услышать. Хотела понять, что ты там мыл так долго: руки или ж...– Дианка, ну ты, – голос был отчужденным, глаза бегали, что-то ища и видимо не находили. – Это ж...– Два предателя, вот что это, – развернулась и пошла к двери.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	34
Глава 6	42
Глава 7	50
Глава 8	59
Глава 9	67
Глава 10	78
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Ли́ла Катте́н

И́змена. Бори́сь за не́ё

Глава 1

«Нет в этом мире более раненых людей, чем сильные женщины»

Диана

– Привет, Люб. Что-то меня на голосовую переключает постоянно. Не понимаю в чем дело. Позвони. В субботу у нас с Пашей годовщина, хочу проехаться по ресторанам с самыми демократичными ценами. Сама понимаешь, денег у нас свободных мало, так как мы копим на первый взнос, но пять лет со свадьбы грех не отпраздновать. Все, жду, – оставляю голосовое сообщение подруге, рассматривая на экране компьютера сайт маркетплейса в поисках подарка мужу.

Проходит еще час, но подруга так и не реагирует. Поэтому я набираю ее рабочий телефон, попутно отправляя смс мужу. Вдруг у них запрет на мобильные стал действовать.

Слышала, что сейчас это актуально во многих фирмах.

– Типография «Коника», здравствуйте, – доносится женский голос.

– Алло, Люба?

– Здравствуйте. Нет, это не она. Ее сегодня не будет. Я могу что-то передать или помочь вам?

– Я ее подруга, Диана.

– А, привет, это Кристина. Слушай, ее не будет, – переходит почти на шепот.

– Приветик. А почему? Я ей набираю все утро, а она...

– Ты не в курсе? – голос коллеги становится тише. – У нее мама умерла.

Шок пронзает все мое тело, и телефон, заскользив в ладони, падает на стол.

– Господи, – вырывается панически. Встав на ноги, я сразу собираю свои вещи, быстро побросав их в сумку.

– Захарова? Ну и куда направляемся? – окликает меня старшая и мне приходится целых три секунды обдумывать, стоит ли что-то пояснять, или просто идти дальше.

Благо разум в моей голове пересилил, заполнив нутро страхом за подругу и желанием скорее быть рядом.

– Галина Никифоровна, можно мне уйти сейчас?

– Вот прямо шас, спустя три часа от начала рабочего дня? – с сарказмом задает вопрос.

– Мне к подруге надо, у нее... – воспоминания о прекрасной Соне Артемовне заставили расплакаться.

– Умер кто? Ты че ревешь?

– Умер... мама ее... Умерла, – пытаюсь стереть со щек слезы, их становилось все больше. – Простите.

– Ой, хоспаде. Пошли давай, – подтолкнула меня к своему кабинету.

Мне в руки попали салфетки, стакан воды и полагаю ва-лерьянка, которую я сразу выпила.

– Такси вызвать?

– Угу, – киваю, допивая воду.

Пока она звонит в службу, я смотрю в одну точку.

– Пять минут.

– Отпускаете?

– А че тебя держать? Соплями умыть монитор да стол? Да и... не зверь же я.

Спустя полчаса я стояла на пороге квартиры и стучала в нее, но вспомнив о том, почему я здесь, догадалась, что не откроет. Потом и вовсе испугалась, как бы чего не произошло. Вытащила ключ запасной, с верхнего выступа коробки дверной и открыла.

Тихо вошла и также тихо позвала ее.

– Люб, дорогая... Это я.

Тишина стала пугать, но затем я услышала громкий всхлип и шепот.

Пошла в ее комнату и увидела подругу в халате и со слезами на глазах, что-то бормотающую себе под нос.

– Мне так жаль, – подбежала к ней и обняла крепко как

могла. — Так жаль, Любочка...

Я знаю и помню, что они с матерью во многом не соглашались и часто ссорились. Я не лезла в их отношения. Но порой приходилось тетю Соню успокаивать и заверять, что Люба не хотела быть грубой, что обязательно придет и извиниться перед ней.

Я выросла в детдоме и знаю, что значит терять маму. Моя умерла, когда мне было всего восемь. Отец отказался от опеки, бабушка была слишком старенькой и ей не позволили меня забрать, потом и вовсе умерла, поэтому единственным местом, где меня хоть как-то были рады видеть, стал интернат. Там я встретила и будущего мужа. Моего Павлика.

Еще был наш друг лучший Антон... но где он сейчас я не знала. Когда он поступил в столичный мединститут, наши дороги разошлись. У нас не было телефонов тогда. Да и откуда у сирот такое богатство. Когда появились, отыскать друга стало невозможным. Хотя я почему-то думаю, что он прятался от нас намеренно. Но причин я знать не могла, поэтому, мысленно пожелав удачи, просто отпустила, хотя помнила о друге всегда.

Вновь глажу по спине Любу и пытаюсь успокоить. Я не задаю вопросы о том, что случилось. Сейчас она не ответит, но учитывая, каким слабым было сердце тети Сони, не сложно догадаться, от чего могла умереть женщина, которая подарила и мне как собственной дочери безграничную любовь и тепло.

– Пойдем, я тебе чай сделаю и выпьешь успокоительное.
По правде, мне и самой требовалось успокоение.

– Хорошо.

Она, покачиваясь, поднимается на ноги замешкавшись, но все-таки идет вперед со мной.

В аптечке у нее ничего кроме противовирусных и жаропонижающих.

Я завариваю крепкий чай и хватаю сумочку.

– Так, надо мне в аптеку сгонять. Тут пусто. Я быстро...

– Дианка, – она произносит мое имя со слезами и снова ударяется в истерику.

– Мне тоже больно, Любочка... – сажусь рядом и притягиваю к себе ее. – Очень больно.

Еще несколько минут мы сидим в тишине, нарушаемой нашим плачем, и она отодвигается, трогая и потирая виски.

– Голова болит.

– Так, все, я пошла. Пять минут и буду у тебя. Ключ возьму, а то домофон в этот раз открыли выходявшие соседи твои, мне повезло просто.

– Хорошо, – качает головой, но глаза не поднимает.

Прохожу по коридору и, остановившись на пороге, сую ноги в свои ботинки, обращая только сейчас внимание на то, что рядом стоят... так похожие на демисезонки Пашки.

Глаза широко раскрыты и появляется желание пройтись по квартире, чтобы увидеть самой. Но отпуская эту дикость, так как... Да, бред это все, я надеваю куртку, которую бро-

сила, а в отражении, позади себя вижу пальто мужа. И оно может быть только его, потому что я вышла на его воротнике золотую птицу, когда на том месте оторвалась пуговица, оставив после себя небольшую дырочку.

Сознание играет злую шутку и мне становится на миг плохо. Пол резко качается, что приходится схватиться за дверную ручку, балансируя, как по волнам. Глаза щиплет, а горло распухло до небывалых размеров из-за камня, который застрял в нем и мешал проглотить полный рот слюны.

Я ведь его не видела?

Задаю вопросы, снимая обратно обувь.

Не видела.

Они коллеги. Может, Паша проводил Любу?

Конечно, так и было.

Или он приехал к ней, узнав, что она не пришла на работу по ужасной причине. И возможно, просто мыл руки в ванной. Или...

Что, если от такой новости, как смерть заболел живот? Стресс на всех по-разному...

Да только бреда в голове хватило ненадолго. Люба была позади меня, когда я вошла в спальню. Единственную комнату, кроме гостиной и кухни, где точно не было моего мужа. Из нее вела дверь в ванную комнату. Я даже не обратила внимание на шум воды, когда бросилась к подруге в утешающем жесте. Сейчас хорошо расслышала.

Она молчала. И еще громче плакала.

– Это Паша? Не так ли, Люб? – спросила, не поворачиваясь к ней.

Ответ был прост. Вопросов по-прежнему много. Но мозг пульсировал в надежде получить свою порцию боли. Ему потакало сердце, душа и слезные железы с нервами.

– Диан... – она завывала. Теперь я даже не знала, по какому поводу были эти слезы.

Подруги не плачут, занимаясь сексом с мужьями своих подруг. Не так ли? Это даже я бы сказала кощунственно с ее стороны. Ты сделала это, а потом плачешь? Зачем? Это бессмысленно.

– Если ты не против, – я подняла руку, останавливая ее наиглупейшие бредни, которые она могла начать воспроизводить, – я бы тебя попросила помолчать и позволить остаться в квартире примерно на несколько минут.

Она заплакала еще сильнее. А потом повернулась дверная ручка, и вымытый дочиста муж вышел в одном полотенце с поникшим лицом, а увидев меня, а не грудастую Любашу, даже ужаснулся.

Он дернулся произнести речь, но я подняла палец, заставив замолчать.

– Прежде чем твой наглый и мерзкий рот что-то произнесет, я тебя опережу и скажу, что стою тут не банальщину от тебя услышать. Я стояла понять, что ты там мыл так долго: руки или задницу.

– Дианка, ну ты... – голос был отчужденным, глаза бегали,

что-то ища и, видимо, не находили. – Это ж... Э-э...

– Два предателя, вот что это, – развернулась и пошла к двери под серенаду извинений, всхлипываний и нелепостей, по типу, чтобы я не горячилась.

Я шла с расправленными плечами и поднятой головой. Они смотрели мне в спину явно думая, что я сильная и выносливая. На самом же деле по душе стекали кровавые реки, а сердце превращалось в уголек.

Глава 2

Мы с Пашей дружили с восьмого класса.

Нас поставили в пару на двадцать пятое мая танцевать вальс. Ни он, ни я не умели ничего такого. Наступали на ноги друг другу и смеялись. Его друг, Антон устал смотреть на нашу пытку и предложил помощь. Так как хореограф был занят другими аутсайдерами.

Так все и началось.

С тех пор я видела только Пашку в своих мечтах, а рядом Антона, как нашего лучшего друга. Правда потом, остались только я и Паша. Антон в одиннадцатом классе от нас откололся. И я винила себя в том, что встала между ними, и разрушила дружбу. Но поправить ничего не смогла. Он сделал выбор за всех нас, и я приняла его, как и Паша.

Сейчас я вспоминала свои мысли почти десятилетней давности, то, как верила, что мы с ним одно целое. Нечто настоящее, что ничем не разрушить. Слово «навсегда» идеально вписывалось в мои мысли.

В итоге я вхожу в нашу съемную квартирку и смотрю на все под другим углом.

Фото на стенах, оставленные вещи. Пара чашек с недопитым кофе говорили о том, что ничего не произошло. Но душа напоминала о подлости двух близких мне людей.

Вопросы «за что» и «почему» теряли актуальность. Разве измену можно объяснить настолько, чтобы в ответ прозвучали слова: «Окей, я поняла. Ты прав». Я сейчас совершенно ничего не понимала, закидывая вещи в хлипкий чемодан.

Не обращая внимания на звонивший в сотый раз телефон, я стояла и смотрела на все оставленные безделушки. Не уверена, что вернусь за ними потом, да и не жалко.

После детдома у меня было немного нажитых вещей. Не забирать же с собой купленную сковороду. А все ценное из детства, хранимое как память о маме и бабушке я уже упаковала.

Слезы лить прекратила, пусть и знаю, что они еще появляться. На данный момент этого было достаточно.

Закрела дверь и, спустившись по лестнице, вышла на улицу. Села в такси и поехала к другой подруге. Только слово больно жгло, напоминая о том, что все люди могут быть полны предательского яда. Надеюсь, что в ней, его либо нет, либо направлен будет не в меня. Не могу же я всех под одну гребенку, пусть и подорвано это слово «дружба» навсегда.

– Люсь, – она открыла мне и посмотрела на чемодан.

– Привет. А ты чего?

– Могу я остаться у тебя ненадолго? – голос звучал жалко, уверена, что и выглядела я не менее неказисто. Ну и слово подобрала.

– Так, входи, – она фактически затолкала меня к себе и, схватив мои вещи, утащила их в комнату сына. – Умойся

иди, а потом на кухню.

Ее командный тон вызвал смехок.

Мы познакомились с ней на моей первой работе после интерната. Без образования при этом с учебой наперевес я работала по выходным. И все лето после сессии в одном и том же кафе. Она была там администратором. И как-то сразу взяла меня под свое «крыло».

У нее имелась строгая внешность и громкий, командный голос. Она была справедлива и в то же время добра. Плюс все это вмещало в себя средний рост и стройную фигуру с платиновым блондом.

Повесив куртку и сняв обувь, я прошла в ванную и, разглядев свое лицо, застонала. Я забыла, что была накрашена. Сейчас меня легко могли спутать с пандой и закрыть в клетке зоопарка.

Когда я вышла на кухню, на столе лежала открытая коробка конфет и две дымящиеся чашки чая.

– Садись и рассказывай.

– Не командуй, – в шутку возмутилась, опускаясь на предложенный стул.

– Не упрямствуй, ребенок.

– Мне двадцать восемь.

– А мне... неважно, – махнула рукой. – Но мой сын младше тебя на семь лет. Так что для меня ты как дочь. Съела конфету, запила чаем и быстро рассказала. Гадать не стану и выпрашивать тоже.

– Ла-адно, – грустно протянула.

Взяла чашку в ладони и повернула голову к окну что-то высматривая, собираясь с мыслями. Проговорить увиденное вслух оказалось довольно сложной задачей. Но Люда не то-ропила и терпеливо ждала.

– Пашка... С Любой изменил мне.

– Пашка, который муж?

– Угу.

– С Любой, которая твоя подруга. Та блондинка?

– Угу.

– Вот скоты, – она ударила по столу и встала.

– Угу.

Моя шея автоматически втянулась, а голова опустилась еще ниже.

– Так, я сегодня выходная, Сашка на учебу уехал еще на прошлой неделе, так что в его комнате останешься. А пока давай доедай и сходишь со мной в магазин, мне надо туфли купить.

Посмотрела на нее удивленно.

– Что? Надеялась на то, что сопли помогу тебе на кулак наматывать и поддакивать? Нет уж. Сегодня поревешь еще ночью, а завтра поговорите с ним и поставите точки. А спрашивать о процессе не стану. Потом расскажешь, итак, выглядишь затравленной, чтобы еще и от моих вопросов тошно стало тебе.

– Не хочу говорить с ним, – словно каприз показываю,

отвечая ей. Рано говорить, мне бы сначала поверить во все это, да осознать.

– Значит, поговоришь тогда, когда сможешь. Уж чего в тебе всегда было много, так это мужества.

Неужели такой она меня видела? Откуда во мне мужество? Это даже звучит смешно. Я была и остаюсь обычной. Работаю бухгалтером, нарабатываю опыт под руководством Галины Никифоровны. Снимаем уже несколько лет однокомнатную квартирку, и все на что мне хватало смелости – это откровенное белье на день рождения мужа, потому что первый взнос – это очень много. Мы умели себя ограничивать ради будущего.

Благо после детдома на счету были деньги по потере кормильца. Собралось почти полмиллиона, из которых я не потратила ни копейки. У Пашки тоже были. Наверное, это самая умная вещь, которую мы сделали, оставив все на тех же счетах под процентами. Сейчас делить не придется.

Боже, о чем я думаю.

Я была из тех, кого легко приобрести. Не как товар на полке, нет. Просто, легко было войти в доверие, расположить к себе. Я дружила со многими людьми, была открыта им, но близких друзей не так много. Все же настолько глубоко в себя впускать я не могла. Раньше меня ранили, предавали в подростковом возрасте и когда стала еще немного старше, но это было давно, по-девчачьи. Свою ценность я осознала с Пашей и Антоном. Это было самой постоянной вещью мо-

ей жизни, пока и она не пошатнулась.

В некоторых местах со временем все же отросла броня, но на сердце я такую даже не надевала. Решила, что муж сбережет. Оказалось, что он и покалечил. Именно поэтому я оказалась уязвимой и потерянной сейчас. Да и кто бы устоял?

Сквозь боль и осознание предательства, я ощутила озноб. Паша был тем, кто согревал осиротевшую душу, сейчас это только мучило. Его заботливые руки, казалось, душили меня даже на расстоянии, и я больше не ощущала себя в них в безопасности.

– Я люблю его... Людунь, – вымолвила, даже не осознавая этого. Просто сказала.

– Знаю я... Знаю...

Я оказалась в ее объятиях и стало еще больней.

Она не жалела меня. Она сожалела о том, что мне пришлось испытать. Как тогда, когда умер ее муж, я сожалела о боли и потере моей подруги. Она обняла и замолчала, как три года назад попросила о том же меня сама.

Глава 3

Давно выключенный телефон манил меня.

Несмотря на предательство, части меня хотелось видеть, как он извиняется, пытается дозвониться и не может. Как психует.

Кусочек его метаний я все же успела разглядеть, так как мобильный не утихал от звонков и смс. Собственно, поэтому он лежал выключенный на тумбочке перед моими глазами.

Как бы ни хотелось, а все равно я начала копаться в себе. Искать те самые причины, по которым моя подруга оказалась там, где не должна была, как и мой муж. Точнее, наоборот, она была в своей постели, это мой муж там оказался, но не суть. У меня достаточно уверенности в себе, достаточно самоуважения, но, когда трогают душу, самое ее тонкое и хрупкое основание, баланс меняется.

Отгул в два дня и еще два выходных законных не особо помогли. Я осталась наедине с мыслями, которые не затихали и поражали своей дикостью, спором. Особенно после того, что произошло в пятницу.

Похороны.

Я не могла не приехать в тот день.

Люба предала меня, но предать память ее матери я никак не могла.

Она смотрела извиняющимся взглядом, забыв о скорби, возможно, на мгновение. Были еще знакомые люди и, разумеется, Паша.

Я избегала его как могла, но надолго не удалось отодвинуть эту встречу.

– Диана, я звонил. Приезжал на работу...

Почти обвиняя. Словно не было причин для этих сброшенных звонков и неотвеченных смс.

– Я знаю.

Смотрела на толпу, одетую в черное. Ветер такой сильный был. Замечала разные детали, стараясь не прогибаться под толщей боли находясь рядом с ним. Неужели он этого не понимает?

– Может, поговорим?

– Может. Но не здесь и не сейчас.

Шаг в сторону, и он не выдержал. Взял за локоть. Остановил. Оказался рядом.

И это новая грань боли. Извинения.

Безрассудные, глупые люди. Убивать человека морально, отнимать веру и любовь и людей, чтобы потом сказать «извини».

– Я бы не хотела устраивать сцен, поэтому попрошу тебя не прикасаться и не говорить со мной, Павел. Ко мне уважение растерял, так прояви его к другим.

Сплошная дрожь в голосе, когда хочешь казаться уверенной и, главное, сильной. Даже слово это ненавижу.

– Просто... хотел, чтобы ты знала. Мне жаль...

– Паша, – угрожающе и почти срываясь.

Секс – это не одно секундное прикосновение. Это процесс. Это действие. И, прежде чем до этого дойти, нужна как минимум прелюдия. Даже просто снять офисную одежду. Стягивая рубашку, можно успеть подумать о том, что делаешь. Передумать в ту же секунду. Он не передумал. Не остановился.

Ушла в другую сторону, чтобы подальше быть, затеряться среди равнодушных людей. Но и там я не осталась одна.

– Прими мои искренние соболезнования, Люба, – чего стоили эти слова. Наверное, горло будет еще долго болеть от сдерживаемых рыданий, даже злости. Я произнесла их ровным безжизненным тоном. Но на этом все.

– Спасибо, – плачет.

Пусть. Это похороны ее матери. Я сама, непонятно как держалась. Тетю Соню я любила очень сильно. И смириться с ее смертью будет тяжело.

Внутри все во мраке, снаружи только лед и холод.

– Диан...

Не хотела слушать. Поэтому ушла.

Началось прощание. Пара горстей земли заставили меня заплакать. Больше не могла сдерживаться. Да и как это сделать?

Шепнула на прощание ей слова любви и памяти, пожелания безмятежных снов и с сожалением покинула кладбище.

Я буду скучать по ней, буду сожалеть о непрожитых ею моментах, годах, событиях.

Вернулась в квартиру Люды и ревела какое-то время.

Все там было в этих слезах: боль, тоска, одиночество и снова боль. А сейчас просто лежу и размышляю.

Причины.

Важны ли они? Полагаю да. Мы прожили в одном только браке пять лет. А до этого студенческие годы, пара лет в детдоме, где мы ограничивались держанием за руки и прогулки вокруг строений интерната да посиделок в беседках. Скромные поцелуи уже в выпускном классе.

Никто в этом мире не знал меня как Паша. Не трогал душу, не любил сильнее...

Когда ничего и никого не остается, это приносит бесконечную боль. Ты растешь в месте, где все что-то потеряли. Мы одно целое и становится не так одиноко на мгновение. Ты знаешь, что есть те, кто понимает это. Но не спасает от ярости, которая порой находит. Ты злишься на весь мир, за то, что ты где-то там, а не рядом с мамой, при этом понимая все. И наступает облегчение, когда нежные руки воспитательницы спасают. Говорят, как бы, что все будет хорошо. Что если она и не мама, то все равно рядом, как может, как умеет. И ты сдаешься. Сердце устает болеть. Начинаешь улыбаться, благодарить.

Потом ты находишь кого-то очень близкого. Самого-самого. Сердце выбирает само, случай играет в вашу пользу и

вот, ты уже влюблена. Ты уже не так одинока глубоко внутри.

Дорожишь, оберегаешь, отчаянно отдаешься каждому моменту, и все разбивается вмиг...

Сейчас не осталось ничего. Снова выжжена изнутри. Снова одна.

– Я звонила тебе, – врывается ураганом в тишину моего самобичевания голос Люды.

– Боже, – стону разочарованно, – я потеряла счет времени.

– Ты хоть ела?

– Вроде да, – сажусь на кровати и смотрю на подругу, которая выглядит уставшей после смены.

– Когда?

– Я не маленькая, Люд. Давай лучше я о тебе позабочусь?

– Ты? – киваю на ее изумленный вопрос. – Обо мне? – снова подтверждаю с улыбкой. – Кажется, я все же постарела, раз обо мне будут заботиться. Но я так устала, что даже не стану сопротивляться.

Я резво поднимаюсь. Отвожу ее в спальню, заставив переодеться в халат, а сама бегу в ванную и набираю керамическую красавицу до краев, со специальным молочком.

– М-м-м... Как пахнет. Что это?

– Эта вкуснятина для тебя. Выпрыгивай из своего халата и ныряй.

Она снимает с себя одежду и погружается в воду, закрыв глаза.

– Меня пугает то, насколько ты взбодрилась.

– Ну, это лучше, чем тухнуть в кровати весь день, проклиная мир и обвиняя его в несправедливости.

– Ага, оставишь на ночь? Мы еще поговорим, как только я смогу мыслить нормально.

– Только не засыпай. Я буду на кухне и пару раз приду тебя проверить.

– Все иди-и-и... – прогоняет меня блаженно вздыхая.

Улыбаюсь, когда ее губы расплываются в благодарности.

Пока подруга смывает с себя весь рабочий день, я готовлю нам ужин, ощутив стыд, что настолько увлеклась болью, что решила оставить остальные вопросы в стороне.

Люда выходит распаренная и вполне удовлетворенная. Садится за стол и зевая ужинает, даже особо не разговаривая.

– Ненавижу такие дни. Воскресенье, просто мрак.

– Доедай и иди спать, я приберусь и помою посуду.

– Прости, мой мозг отключается.

– Люд, – кладу руку поверх ее ладони. – Спасибо тебе за все.

Она посылает мне поцелуй и встав уходит в комнату.

Я убираюсь. В ванной Люда сделала все сама. Поэтому принимаю душ и иду в постель. Только уснуть не выходит. Я эти дни только и делала, что спала.

Тихо встав, я приготовила одежду на работу, вышла на уютную застекленную террасу с бокалом вина и погрузилась в ночную суету города, который сверкал огнями, шумел и

даже не планировал засыпать.

Вспомнился почему-то Антон, когда я стала вглядываться в горизонт, на фоне которого высотки бизнес-центров, многоэтажки, яркие вывески торговых центров. Это не столица, но город большой.

Подумала о том, чем он занят. Как его жизнь в итоге устроилась. Я искала в соцсетях информацию о друге, но там были разные люди с его именем и фамилией, но ни одного того, которого искала. А потом я разозлилась снова, что он выбросил нас из своей жизни, и перестала это делать.

Хорошо, что мобильный был выключен сейчас и остался в спальне, иначе я бы снова принялась за это дело, только бы забыться и не вспоминать, что моя жизнь превратилась в руины похлеще, чем Помпеи.

Глава 4

Понедельник начался как обычно. Хотя обычного в нем не было ничего на самом деле, что касается внутреннего ощущения самой себя.

Самые важные решения даются сложнее всего? Черта с два. Оказывается, что все гораздо хуже.

Эти решения выворачивают душу.

Что я чувствую сегодня спустя... сколько прошло дней? Считала ли я их?

Так что же внутри?

А ничего.

Ты просто дышишь, кушаешь и спишь, как того требует организм, в свободное время занимаешься погружением в мысли.

Поэтому сильно уставшая я проснулась намного раньше будильника, что парадоксально, вообще-то, думала, еле соскребу себя с постели, но не суть. Разбитое корыто выглядит более презентабельным.

Люда спала, и я не стала будить подругу. Собралась на работу перекусив по-быстрому и отчалила.

Понедельник, это всегда полоса испытаний в общественном транспорте, хотя наш городок не сравнишь с миллионником. И все же, квест начался с толкотни в маршрутке и

длился сорок минут. Все это время я даже не могла думать о боли упирающегося в мой бок локтя женщины, стоящей рядом. Я была прикована к мысли о Паше, нашем браке и будущем.

Это, как потерять половину себя, только еще больше. Странная мысль.

Наши планы, мечты и... Да вся моя жизнь была связана с ним, с восьмого класса. С того момента, как мне исполнилось четырнадцать. Господи, как же он мог вот так взять и спустить в трубу эти годы?

Это была обида, смешанная с болью. Я снова стала той восьмилетней девочкой, которая только что потеряла маму и оказалась в огромном доме, кишашем детьми и воспитателями, не до конца уверенная в правде ситуации. Только сейчас я была в центре мегаполиса.

Я так отчаянно берегла эти воспоминания. Как мы по кирпичику выстраивали наши жизни, далее семейный быт. Сколько было трудностей с первой работой, голодных дней порой, потому что учились распределять бюджет. Несоизмеримые объемы поддержки, отданной друг другу, даже в неудачные дни и все это обесценилось, превратилось в не более чем грудку мусора.

Возможно, он разлюбил меня, и Люба стала мила его сердцу, но можно ведь было по-человечески, а не... Она тоже хороша. Мама умерла, а дочь...

Преодолела привычный маршрут на свой второй этаж. Во-

шла в отдел бухгалтерский и сразу поймала взгляды. Все коллеги были знакомы с Любой неблизко, однако встречались пару раз и потому решили выразить свои соболезнования через меня ей.

Вежливо поблагодарив села за свой стол и, проработала как робот до обеда. Выскочила из офиса и прошлась до любимой палатки с горячим обедом, купила порцию и села на скамью рядом. В этот момент и позвонила Люда.

– Ты меня не разбудила, – полусонно обвиняет она меня.

– Зато ты смогла выспаться. Да и не в школу же отправляешь дочь. Я девочка взрослая.

– Мы могли выпить по чашечке кофе. Блин, я вырубилась без сил. Как ты? – слышу скрип кровати.

– Ем. А ты отдыхай лежебока.

– Я слышу, что ешь. Приятного аппетита.

– Ага, спасибо.

– Что надумала? Прошла почти неделя.

– Инструктаж имеется, или бланк-черновик? Или пособие по изменам?

– Ага, есть одно. Называется – жизнь. Сойдет?

– Слишком замудренно и по-философски, боюсь, что не смогу разобраться. Что полегче не найдется?

– Нет, мудрено, но действительно.

– Устала.

– Понедельник.

– Нет, морально. Нужно поговорить, я понимаю, но как

представляю, что мне придется увидеть Пашу, обсуждать... Так мерзко.

Внутри все передергивает от воспоминаний и тех картинок, что мелькали перед глазами, нехотя представляя то самое предательство.

– Мерзко, но может этот разговор как раз и поможет решиться на тот или иной вариант.

– Ты считаешь, что тут могут быть варианты?

– Просить или не простить, Диан. Их всегда два.

– Первый я даже не рассматриваю. Но... Господи, как же это больно, – голос вконец срывается, и я опускаю голову.

– Эй, ты не обязана делать это сейчас. Но так будет лучше. Я не оставляю ноги наполовину депилированными.

– Боже, это ужасная аналогия.

– Может быть, но я женщина, у меня других не имеется. И я вспомнила о том, что нужно наведаться к Ане, пока меня не спутали с обезьяной. Так вот. Ты ушла, это половина дела. Осталось за малым.

– Сложно. В смысле понятно, что будет и что я решила. Но все-таки. Не представляю, что он мне скажет, Люд.

– Полагаю: «Я не виноват» или «Это ничего не значит».

– Мне кажется, я его задушу, если он так скажет.

– Вот еще. Ты пошлешь его куда подальше и уйдешь.

Убираю в сторону использованную посуду и допиваю свой чай.

– Знаешь, возможно, так и поступлю.

– Ладно беги работать, а я еще полчасика поваляюсь, – она стонет и громко зевает.

– Ну и правильно. Увидимся вечером.

Стоило появиться в офисе, как девчонки заулыбались, а главная громко окликнула меня.

– Дианка, тут у нас не оранжерея, имей в виду. И Пашке своему скажи об этом.

– Галина Никифоровна, я не... – но глаза, устремившиеся к столу, поняли все за меня.

Еще неделю назад, я бы возмутилась из-за такого количества шикарных букетов на своем столе рабочем, потому что копим. Копили... Сегодня это было подтверждение предательства. Словно пороки, принесли в доказательство и положили на стол в красивом одеянии из роз и других цветов.

Противно стало, до слез.

Опустила голову и пошла в уборную. Стерла с лица влагу, подкрасилась и вышла. У меня просто нет времени на зализывание ран.

Все сделали вид, что никто ничего не заметил, сели за стол и принялись работать.

Я поставила букеты в вазы и разнесла по столам девчонок, даже к главной заглянула. Но она делать вид не стала, что не заметила моих слез.

– Ты как?

Женщина она была строгая. Даже посмотрев на нее это заметно в мимике и взгляде. Чего этот зализанный пучок сто-

ит. Но все же справедливая. А еще голос у нее был, точно в рупор говорит.

– Нормально.

– Уходила в слезах о смерти в последний раз, сейчас о чем?

– Галина Никифоровна.

Она знает, что я детдомовская. Возможно, хочет по-матерински поддержать, но я не могу... Не уверена, что хочу.

– Слушаю, – нетерпящим возражений тоном требует, и я чуть-чуть сдаюсь.

– С мужем проблемы. Мы их решим.

– Ясно. Ладно, ступай работать.

Киваю ей в благодарность за то, что не стала наседать еще больше и за столом пишу мужу.

«Прекрати напоминать о том, что ты сделал».

Ответ пришел моментально:

«Ты не отвечаешь мне ни на смс, ни на звонки. Диана, прошу, давай проговорим».

«Поговорим, когда я буду готова, просто говорить, а не царапать твое лицо».

«Просто знай, что я тебя люблю и мне правда есть что сказать».

Слова. Слова. Слова.

Набор букв. Бессмысленный и подлый.

Любой может лихо ими управлять. Говорить что угодно. Поступки же... Они и ранят.

Есть что сказать?

Представляю.

Включила компьютер, открыла программу и продолжила свою работу. Да только сейчас вся моя головная боль всплыла на поверхности и разом жалила в самые болезненные точки.

В итоге вся неделя текла по инерции, и я сама на шарнирах была. Люда пыталась меня расшевелить, но тщетно. Мне просто нужно это все уложить внутри. Поверить. Осознать.

Это так странно. Я фактически увидела измену мужа своими глазами, а поверить в это до сих пор не могу.

И да, я давала на боль себе неделю. Пора уже прекращать. Пора двигаться дальше.

К очередной субботе звонки Паши достигли апогея, и я решилась. У нас сегодня годовщина. И мы идем не ресторан, который я так и не выбрала. Не несу с собой подарок для любимого мужа, не зацелована с утра его подлыми губами... Сегодня мы ставим точку... Я ставлю.

– Уверена, что готова? – подруга вышла ко мне в коридор, где я обулась и смотрела на себя в зеркало, поправляя прическу.

– Смысл отодвигать то, что неминуемо произойдет. Да и я, кажется, смирилась. Первая волна сошла.

– Непохожа ты на ту, что смирилась, – скептически произнесла Люда. – Но и не маленькая, чтобы за тебя что-то решать. Чувствуешь, что приняла решение, иди и озвучь. Ни-

кто не станет винить за него.

– Знать бы, что оно верное.

– Откуда знать? Жизнь – это и есть сплошные решения. Зачастую неправильные, на первый взгляд. А потом, глядишь, и счастье. Значит, однажды, одно из них было все-таки верным.

– Как романтично.

Она лишь повела плечом.

– Я думала, что изрекла нечто философское. Думаешь, я все еще романтичная женщина? – подмигнула своему отражению поправляя свои волосы и надула губы в воздушном поцелуе.

– О да. Если не пугаешь.

– Эх, Дианка, тяжело быть одной. Привыкаешь и становишься вот такой как я. Все «я» да «сама». А побыть женщиной и времени нет. Потом на это нет мужика, чтобы, – она подняла кулак и посмотрела на него грустно. – Ой, все иди. А то я начну тебе жаловаться на судьбу, и ты вообще сбежишь.

– Я могу остаться и...

– Нет, меня ты своим предлогом отодвинуть неизбежное не сделаешь. Вернешься, поговорим, если в состоянии будешь.

Она вытолкала меня за дверь, вызвав первую за эти две недели искреннюю улыбку, а не вымученную.

Схватившись за сумочку, я перевела дыхание, а затем шагнула вперед, но ощущение было, что в пропасть. И мне

это ощущение не понравилось.

Глава 5

С Пашей договорились встретиться в небольшом кафе, недалеко от дома Люды. Мне не хотелось потом в слезах, которые неминуемы в связи с причиной встречи, ехать через полгорода.

Он уже сидел там. А рядом с его рукой на столе лежал букет.

Да что с ним такое?

Муж даже улыбнулся, пока не заметил мое лицо, подходящее этой ситуации.

– Прости, – сразу ушел в оборону, – я соскучился и не удержался.

Он подвинул букет в мою сторону, но даже взгляд на эти прекрасные розы обжигал болью.

– Давай закажем что-нибудь.

Я бы заказала порцию «Облегчения», «Ластик для памяти». Что угодно, только бы изгнать этот зуд из сердца.

Это был все тот же человек. Мужчина, которого я знала много лет. Которому отдала всю себя. Мужчина, что взял мои дары и отблагодарил любовью, теплом, семьей. Мы были семьей. Той частичкой, которую не имели, пока росли в дет-доме. Разделили вместе слишком много... А потом он взял и наступил грязным ботинком на наш дом. На все, что мы

строили внутри него. Прошелся по комнатам. Теперь я видела оболочку этого мужчины. Но не воспринимала тем же. Больше нет.

Мы отдали друг другу первые поцелуи, ласки, первую любовь. И я не думала никогда, что он вот так все это вернет обратно: изломанным и грязным, опороченным.

– Диан? – он посмотрел с улыбкой. – Ты слышишь?

Но мне не было дела ни до чего, что он там говорил. Я пришла услышать ответы на свои вопросы.

– Почему, Паш? Почему?

Его глаза растеряли блеск, я видела и темные круги под глазами. И видела, что он даже похудел. Уверена, и во мне есть изменения. Все-таки, когда жизнь бьет, мы падаем не на мягкие подстилки. Мы разбиваем в кровь колени и свои лбы. Вот и сейчас, ошибки были «налицо».

– Диана, – тот же голос... Умоляющий такой, почти родной...

– Что я упустила? Что недодала тебе? Где совершила ошибку?

Я не понимала этого. Я реально не понимала. Да, что-то вошло в привычку. Что-то стало менее ярким. Но если я жила и не думала об этом глобально, не думала о другом мужчине. Паша, вообще решил найти то самое в другой. Но что конкретно?

Пока он молчал, я даже запаниковала внутренне. Но предполагать устала, поэтому решила просто дождаться ответа.

– Это я виноват, Диан. В смысле не было с твоей стороны ошибки, сам все натворил. Я узнал, что Любы нет на работе с утра. Мне сказали, что она сообщила о причине главному и все. Поехал узнать, как она. А там... Не знаю, что сказать. Все так быстро произошло. Я обнял ее в поддержку, пока она плакала. Все ведь делают так. А Люба меня поцеловала...

– Боже... Я не хочу этих подробностей, – закрыла уши ладонями и прикрыла глаза.

Рыдания грозили быть глобальными, а пока что по щекам стекала лишь пара капель. Я знала, что это только начало, но надеялась, что продержусь до конца этого разговора.

– Секс – это не секунда, Паш. Это... чертово действие, – озвучиваю свои мысли ему.

– Знаю. Но хочу, чтобы ты понимала, я не шел туда за этим. Все, что произошло, это была глупая спонтанность.

– Спонтанность? Ты серьезно? Господи... В голове не укладывается. Понимаешь? Не укладывается никак. Что ты, что она... Думаю о вас двоих и тошнит.

– Прости.

– То есть вот так просто, да? Ты поддержал коллегу и нашу подругу. Переспал с ней. Прислал кучу цветов и... Прости? Мы семья, Паша, – голос срывается, но прокашлявшись я продолжаю. – Я и ты. Муж и жена, черт возьми. Мы были кем-то большим. Друзьями. Парой. Ты... ты был моим самым большим другом. Моей опорой.

– Не говори в прошедшем времени, Диан. Прошу...

– Нет, мы и есть прошлое время. Ты разве не понял еще?

Я недоумевала. Он что правда не понимал, о чем наш разговор?

– Диана, милая, – протянул к моим ладоням свои руки и коснулся холодных пальцев, но я не смогла просто принять этот контакт, отодвинулась дальше. – Извини... – сел ровно, сжав кулаки, и опустил голову, прежде чем начать говорить снова. – Не действуй импульсивно. Умоляю. Подумай. Точнее... черт... Просто не нужно сейчас...

Ему не удавалось сложить в предложения слова. Он запинаясь. Начиная сначала, а я сидела и понимая, что он пытается донести, осознавала одно – это конец. Действительно, конец.

– Нет, Паш, – собравшись сказать то, что должна, эмоции начали подавлять. – Нет... Я не могу... Даже через время, я буду думать о том, что ты сделал. И вряд ли прощу. Во вторник мы подадим на развод. Я здесь не для примирения.

– Родная... – я встала из-за стола и покачнувшись взяла свою сумочку.

– Нет. Хватит...

Быстро развернулась и поспешила на выход. Свернула за угол, но Паша догнал меня и развернув обнял. Крепко и сильно сжимая в своих руках.

– Прости любимая... Прости, прошу... Ты мне одна нужна. Я дурак и подлец знаю... Дианка моя...

Я не вырывалась. Даже если бы пыталась, не смогла, он же

мужчина и сильный. Но еще потому, что питала себя болью этих ощущений. Они душили. И могли отнять весь кислород. А значит, я больше и правда не могу с ним рядом быть. Никак.

Быть может, потом, я решу, что совершила ошибку. Возможно, утихнет боль и смогу передумать, хотя не знаю, как это возможно, но сейчас...

– Дианка, я люблю тебя, – отрывается и целует. В губы. Жестко и сильно, но я точно статуя. Даже не дышу. – Ну же, – снова целует. Ждет отклик.

Протискиваю между нами руки и толкаю его. Стараюсь подальше, чтобы не касался, чтобы знал, что не имеет права. А после, когда отвоевываю полшага, бью по щеке. Смотрю в глаза мужа и ухожу. На этот раз Паша не идет за мной. Остается позади, словно так и надо. Словно так теперь будет отныне.

Ноги несут все дальше. Даже дыхание сбивается. Но я не могу остановиться, пока не ухожу на несколько кварталов.

Грудь горит, ноги гудят, а душа вся в осколках и кровоточит.

Я петляю по соседнему району и нахожу небольшую набережную у искусственного пруда. Слышала о ней, но ни разу не приезжала. Здесь спортивная площадка для взрослых, качели для деток. Рядом школа искусств. К тому же стоит сцена, у которой собрался народ, и звучат детские песенки. Афиша на соседнем столбе гласит о концерте выпускников

младших классов. Сегодня.

Голос ведущего громко оповещает о десятиминутной подготовке и просит занимать места.

По инерции двигаюсь вперед. Покупаю билет, деньги с продаж которого пойдут на костюмы для выступлений и будут принадлежать школе для будущих поколений талантов. Сажусь на высокую трибуну и жду вместе с другими взрослыми.

Когда на сцене появляется светловолосая девочка с микрофоном в руках, которую хочется назвать «кнопкой» и начинает петь, я вспоминаю наш недавний разговор с Пашей. Мы обсуждали детей. Говорили о том, что создадим для них самую лучшую жизнь. Ту, которой сами были лишены. И что в итоге? Многое останется лишь разговорами между бывшими влюбленными, не сумевшими воплотить и половины задуманного в жизнь.

Весь концерт длился два часа. Песни сменялись танцами и наоборот. Даже стихи читали. Под большим впечатлением я уходила обратно. Не скажу, что все внутри подчистилось от боли и воспоминаний, но определенно на время, буквально чуть-чуть, мне стало легче дышать.

Люда не стала бросаться на меня с вопросами. Рассказала об учебе сына, о том, как он устроился. Накормила обедом и когда встала к раковине, убрав со стола тарелки, я заговорила.

– Он сказал, что это была случайность. Что не планировал

ничего такого.

– То есть, – она повернулась ко мне с недоумением на лице, полагаю, такое же было на моем, когда я слушала его пояснения, – штаны поползли вниз сами? И залез он на нее под влиянием некой силы? Перепутал с тобой случайно? Перепутал блондинку с брюнеткой? Ослеп? Что конкретно было случайностью в измене?

– Я не знаю, – пожала плечами. – Возможно, мне стоило задавать больше уточняющих вопросов, но стало противно, когда он начал говорить о том, что он ее обнял в поддержку, а она поцеловала.

– Тварь она.

– Брось. Они оба постарались.

– Он тоже тварь, Диана, но она... Пашка твой не образец, и ты это знаешь, но какого черта она полезла к нему? А все потому, что давно засматривалась на мужика твоего.

– Да не. Любка... Ей другие нравятся.

– Другие не другие, но нравятся ей мужики. И твой, видимо, больше всех, раз на него полезла.

– Не хочу даже думать об этом.

– И не надо. Мы знаем, что там за процессы, когда оба голые. Другой момент в том, что с ней ты тоже должна поговорить.

– Думаешь, это чем-то поможет?

– Простить или принять ситуацию вряд ли. Но узнать, что там было с обеих сторон – да. К тому же она являлась твоей

подругой долгие годы и предала таким весьма изощренным образом.

– Это так невыносимо, Люд, – сползаю по спинке стула. – Ну зачем они это сделали? Ну зачем?

Я почти вою, правда, слез нет. Просто сухая тоска.

– Вот это ты и попробуешь узнать у нее.

Глава 6

Я думала, что мне придется решаться на разговор долго. Хотела подождать, пока уляжется внутри эта буря, которую сотворил Паша. Но каждый раз, когда я думала, что все, уже можно, резко меняла свое мнение.

Но кто станет судить, если с момента разговора с мужем прошло всего два дня. Я была не готова. Видимо, поэтому Люба пришла сама.

– Давно меня с работы не встречали, – хмыкаю, подходя ближе. – Буквально пара недель, как муж изменил. Хотя что это я, ты ведь в курсе всего.

Слова сыпались сами по себе, а мне было достаточно лень, контролировать их после тяжелого рабочего дня. Новый месяц всегда начинается с тяжелой головой.

– Диан... Прошу... – голос такой тихий, словно я ее ударила.

Я? Ее? Когда мы поменялись местами?

– Знаешь, это хорошо, что ты пришла сама и сейчас. Возможно, именно этого мне не хватало, чтобы пойти и подать заявление на развод.

Это правда. Я ведь уже все решила. А как подумаю о том, что будет во вторник, поджилки трясутся. Хочется найти отговорку. Но пока что держусь, стоит вспомнить, почему я

завтра это сделаю.

– Давай поговорим? – словно умоляет.

– Давай.

Почти наплевательски отвечаю. Да только снаружи все так чисто и гладко. Изнутри помято и в хлам разломано.

Сворачиваем к пешеходному. Оказываемся на той стороне улицы и направляемся в небольшой парк.

– Не надо разводиться, Диан... – ну, началось.

Прорвало на жуткую злость. Такую, что не передать словами просто.

– Стоп, давай мы сразу определим цели этой встречи. Мы будем говорить о том, что было, а не о том, как я поступаю со своим браком. Ты, конечно, влезла в него по самые уши, потопталась и наследила изрядно, но это не дает тебе право решать или советовать мне что делать. Окей?

– Я не об этом. Он не виноват. Я сама спровоцировала все это и... Боже, мне так стыдно перед тобой, – сбивчиво, сумбурно говорит. – Я... Диана, мне жаль. Это правда.

– Прямо представляю, как ты карабкалась на него голая и думала о том, как тебе жаль.

Но она не отреагировала на мой выпад, просто продолжила.

– Уж не хотелось мне этого говорить, поверь, но... Я люблю Пашку.

Будто удар пропустила и теперь не могу сделать вдох. Голова кружится, а кислорода все нет.

Любит?

Моя подруга любит моего мужа.

Что за идиотская жизнь?

Молчу. У меня нет слов. Ну откуда их взять, когда такие откровения без предупреждения сыплют на голову? Да и что сказать ей?

— Я не хотела этого. Прятала все чувства глубоко. Не хотела терять нашу дружбу. А в тот день... Я не знаю, что на меня нашло. Но это все я, понимаешь? Я сама... Сама все это начала... Он просто был рядом и обнял. Мне так жаль... — Люба начинает плакать, а я опустошенная иду рядом и смотрю под ноги.

Теперь и злости нет. Остается только думать... Не из жалости. Просто внутри все подчистую вытащили, и эхом ее плач звенит.

Хочется быть далеко. Там, где никто не заставит плакать меня саму. Да и смеяться тоже. Пусть в покое оставят и все. Только одиночества немного. Но кто ж позволит? Им всем надо выговориться, пеплом свои ожоги, оставленные на моем сердце, посыпать и удовлетворенно свалить.

Ей жаль.

Вот так просто. А может, и сложно, теперь не могу сказать. Оказывается, все, что я знала о подруге ничто. Ложь, выдумка и притворство.

И я не стану себя на ее месте представлять. У меня был муж, была подруга, которая его любила и спустя годы тесного

общения и дружбы полезла в постель. Нет, я не стану понимать ее. У меня едва хватает сил анализировать себя и брак.

– Ничего не скажешь?

– Да вот как раз думаю об этом, а слова никак не находят-ся.

– Покричи хотя бы или скажи, что ненавидишь, – повышает голос. Неужели удивлена. Думала, я вцеплюсь ей в волосы, как в фильме про двух невест, а затем мы встанем и обнимемся?

– Ты хочешь, чтобы я как следует покопалась в грязном белье, которые ты носила? Скажу, что ты дрянь и плохая подруга? Но, зачем? Уверена, ты уже в курсе того, кто ты такая. И поверь, думать сейчас о тебе в таком ключе пока еще странно. В смысле, я привыкла, что ты родной человек, а теперь в смятении, совершенно идиотском. Оказывается, терять близких это дерьмово и больно, Люба. Но ты не поймешь, потому что в твоей жизни единственным человеком была мама, меня ты вряд ли таковой считала, снимая штаны с моего мужа.

– Дианка...

– Я не ненавижу тебя. Удивительно не так ли? У меня пока что все ровно. Настолько, что ты сравнима с пустым местом. Только и это обман, – поворачиваюсь и смотрю в ее зареванные глаза. – Ты та, что разрушила мою семью, отобра-ла любимого человека. Я любила тебя, доверяла и допустила близко вот сюда, – кладу ладонь на сердце, – впрочем, как и

Пашку. В этом вы молодцы, сработали в тандеме.

– Прости, пожалуйста...

– Да хватит тебе, – срываюсь на грубый голос. – Прости, прости... Не прощу. Не понимаешь, что ли? Не прощу, Люба. Как такое простить? Ты в своем уме? Что ты, что Паша. Тут другого не скажешь в ответ на обвинения, понимаю, но и вот это «прости» тоже не лучший вариант.

Стою и смотрю на нее недолго. Снова понимаю, что не хочу больше ее видеть, и потому принимаю решение просто уйти. Хватит уже.

Разворот. Шаг в сторону.

– Помнишь... – останавливает, всхлипывая, – Три года назад, ты говорила, что вы с Пашей отдаляетесь? Что становится сложно вдвоем.

Я оборачиваюсь и от непонимания ее слов не говорю ни слова. Жду.

– Я рассказала Паше об этом.

– Что? – степень загрузки мозга стала превышать нормы. – Зачем? Какого черта? Решила покаяться во всех грехах за годы дружбы? Плохой вариант, Люба после твоих дурацких «прости».

– Нет, нет... Я просто... Я бы тогда могла, наоборот, промолчать. Подождать, когда вы разойдетесь. Попытаться с ним... Но я не стала. Не смогла так поступить, Диан. Сказала ему, что он может тебя потерять. Посоветовала свозить тебя на отдых и провести время вместе. Я видела, как сильно он

тебя любил.

– Так я должна быть тебе благодарна? О, и в Турции я побывала благодаря тебе? Похвально подруга. Весьма похвально. А секс с моим мужем был платой за доброе дело? Высоковата цена.

– Нет же, Диан. Я к тому, что никогда не планировала этого... Ни за что не поступила бы, но в тот день... Я была потерянной и уязвимой... Я не знаю, как так вышло... Да и он... Он тоже был в шоке. Все спонтанно вышло. Он виноват, но измена не стоит того, чтобы ты бросала Пашу, он тебя любит.

– Зат-кнись, – сквозь зубы шиплю, негодуя от неопишемого гнева. – Не смей... Просто замолчи и больше никогда не появляйся в моей жизни.

Это была окончательная точка.

Я вышагивала обратно к дороге, сожалея о том, что буду скучать по Любе, как о подруге. И каждый раз, это будет приносить боль. Впрочем, с Пашей, все будет точно так же.

Не знаю, много ли времени требуется на склеивание самой себя, или разбитых жизней, но останавливаться я не хочу. Просто не хочу. Создам новые. Забуду их обоих и все.

Приехав домой к Люде, я села за стол в одиночестве, так как она была на работе. Села и долго думала. О планах на будущее, о настоящем.

Хотелось бы по пунктам выстроить хотя бы следующую неделю, но ручка зависла в воздухе, а листок бумаги был по-прежнему чистым.

Я так привыкла делить пополам свою жизнь с Пашей, что сейчас была потерянной. Это пугало. Хотелось уже встать с колен. Забыть, как подкосило предательство, пояснить сердцу и разуму, почему все так, а не иначе. Только немногословна вдруг стала.

Собралась и пошла гулять в итоге. Пусть и вечерело.

Холодная осень в этом году. Хотя о чем это я? Сибирь ведь. Даже снег иногда уже срывается. Утром порой тонкие корочки льда на вчерашних лужах блестят. Ты идешь по ним, а они хрустят.

Сейчас все подтаяло, а завтра по новой.

Голые деревья на фоне серого неба выглядели очень красиво. Картинки как в интернете, куда ни глянь. Желтые листья на земле прекратили быть яркими. Покрылись грязью. Но все это не имело никакого значения для меня. Не сейчас и не сегодня.

Эта серость, проникшая внутрь меня, стала отравлять. Но это не я. Не мой характер. Я люблю смеяться, шутить, быть окруженной добром и людьми, которых люблю и уважаю.

Развод! Он должен стать первым пунктом. Завтра.

Найти квартиру.

Переехать и получить новые документы, – можно объединить в один.

– Кажется, что-то получается, – произнесла с грустной улыбкой и зашагала быстрее в ближайший киоск. Купила маленький голубой блокнот с вдохновляющей подписью на

обложке «Мечтай» и вошла в небольшое кафе. Сев за столик, записала каждое слово из только что продуманного мной списка дел. Списка, который я только что начала сама, без него.

Думаю, это лучше, чем ничего?

Глава 7

Паша не согласен на развод. Он просто отказывается.

Никакие уговоры не подействовали. Паша и правда решил, что я передумаю.

Я прождала его у ЗАГСА просто так и расстроенная вернулась на работу. Конечно, следом были гневные сообщения от меня, но он встал в позу, как какой-то капризный мальчишка.

– Ой, разведут вас, – Люда махнула рукой и отвернулась обратно к соусу, который требовал ее внимания, издавая приятные ароматы на ее кухне.

– Да? Черт, мне надо было почитать какой-то литературы о разводах. Я так растерялась, если честно.

– Ну а че нет? Или он думает, что если бегать будет, то не разведут? Так вот, ошибся твой пассажир в вагоне «бывший муж». Пойдешь в суд, а не в ЗАГС. Пояснишь, что и как. Быстро не будет, но в любом случае твои причины примут во внимание, поверь. Муж изменил, это не то же самое: «Он не хочет покупать диван, разведите нас». Через месяц будешь с новыми документами.

– Эй, откуда ты все это знаешь?

– Было дело. Мы с Гришей поссорились. Выгнала его из дома, идиотка. Так нет бы помириться, пошла на развод по-

давать. Он, как узнал, приехал туда, скрутил в бараний рог и домой.

Я залилась смехом и, держась за живот, представила Люду и ее мужа в подобной ситуации.

– Не смейся. Я была в бледно-желтом сарафане. Лето. Жара. А он связал мои руки после слов, что я уже нашла себе того, кто будет ценить меня. И я ехала на заднем сидении его новой «пятерки», из-за которой мы и поссорились. В ней и Сашку зачали, в ней ехали потом в роддом и из него. Такой дурочкой я была, ужас.

Она сама хохотала так громко, что я поняла – она вспоминала своего мужа. Потому что потом замолчала вдруг.

– Я так его любила, Дианка. Три года всего прошло, а кажется, что три жизни.

– Он любил тебя не меньше, поверь.

– Верю.

К четвергу я взяла все свои документы и понесла в суд одна, оплатив госпошлину. Написать исковое заявление оказалось сложнее. Приложить туда все свои «причины», аргументировать их. Написать о его измене. Но я справилась.

Если честно внутри было такое ощущение отвратительное. Из-за Паши, самой ситуации, бессмыслица какая-то.

Словно на пособие собираю документы, а не на развод.

Отправила смс мужу, что виться веревочке осталось недолго и началось.

Кажется, где-то я слышала фразу, что даже в пасмурный

день блеснет луч солнца. Может быть, не дословно, но смысл именно такой. Что же, у меня как-то не блеснул он.

Возможно, погода не позволяла разглядеть это самое светлое пятнышко в небе, либо ситуация.

Паша пошел в атаку. Решив, что моя гордость – это крепость, которую стоит брать нахрапом он, приходил домой, звонил, писал, отправлял подарки. И на единственный вопрос: «Раз уж пошел к другой, зачем тебе я?», не давал ответ.

Достаточно ли мне его слов: «Я никогда не хотел ее»? Очевидно, нет.

Ну не понимаю я этого. Ну не могу. Не представить, что вот так, обнимая и выражая соболезнования другу, начну вдруг отвечать на его поцелуй. И ладно бы поцелуй, а сдирать с него вещи и позволять раздеть саму себя, позволить все что следует после, когда оба голые?

Нет! Я просто внутренне протестую.

А он говорит, что не хотел ее? Как это возможно, если секс свершился?

Вот и сейчас, идя с работы, я вижу мужа.

– Не начинай по новой, – раздражение затопило меня с ног до головы. – Что ты устроил, Павел? Ты в своем уме?

Уже хотела пройти мимо него, но он остановил цепкой и сильной рукой.

– Мне пришло уведомление из суда.

– И? – посмотрела на него в недоумении. – Я не понимаю. Ты что, удивлен?

– Разумеется.

– Да ты в своем уме, Захаров? – уже не сдерживаясь повысила голос. – Ты мне изменил и решил, что я просто нуждаюсь в месячном успокоении?

– Ну уж не через неделю бежать и на развод подавать. Диана я тебя люблю. Я совершил долбанную ошибку, но я раскаиваюсь.

– Да верю я. Верю. Но жить с тобой не хочу и не буду. Это не та... ситуация, в которой можно закрыть глаза, Паша. Мне казалось, что ты меня понял, что знаешь меня, или узнал за эти годы. И я поражена тем, что ты думал, я тебя прощу.

Эмоции снова захлестнули и я, не желая реветь тут в три ручья просто пошла прочь. Фактически добежала до остановки, прыгнула в свою маршрутку и смогла выдохнуть.

Я думала, что он осознает свой поступок. Вспомнит об уважении и не станет усложнять. Но, кажется, ошиблась.

– Чего ты хочешь? – словно еле держа себя в руках, спрашивает. Не психуя, а устало как-то.

Недоумение стало критическим. Он меня вообще не слышал или слышал, но понимать отказывался.

– Развод, Паш. Разве не ясно?

– Диан, я чертовски сильно облажался, – схватил мои ладони своими и поднял к своим губам, но почувствовав мое сопротивление, целовать не стал, однако отпускать тоже не торопился. – И я готов понести любое наказание. Прости, что так поступил с тобой и нами. Но умоляю... Забе-

ри заявление. Мы все преодолеем. Клянусь, буду стараться в сотни раз сильнее. Я не хочу разводиться с тобой. Я не хочу терять тебя, малыш.

– Так поэтично. Будь у нас кризис иного рода, я бы уже, наверное, тебя простила. Но это другое. Измена – это не то, что можно решить иным путем. Я таких не знаю.

– Нет же... Нет, – сжимает переносицу двумя пальцами.

– Почему нет? Сравнил меня с другой и вернуться решил к старому и привычному? На кой черт тебе я? Вот зачем?

– Я люблю тебя. Мы семья. Разве не понятно?

– Было бы понятно, не задавала бы этот вопрос. И семью ты нашу развалил.

– Диана, я с себя не скидываю вину. Не пытаюсь сделать вид, что это ерунда. Я понимаю...

Дергаю свои ладони и отступаю на шаг.

– Если бы понимал меня, не посмел бы и близко подойти со своими дешевыми словами о вине. Хочешь поступить как человек, который реально любит и признает вину? Приди в суд, подтверди мои слова и пусть нас разведут.

– Это путь слабаков.

– Именно слабаки изменяют.

Поспешила на остановку. Думала, что пойдет за мной, но он отступил... на время.

Переполненная маршрутка проехала прямо перед моим носом, и мне пришлось встать с ожидающими, как и я.

– Диана, – снова донесся голос Паши.

– Да чтоб тебя.

Даже топнула ногой от досады.

– Что?

– Да не бесись ты, люди смотрят.

– Я сейчас еще и закричу, что ты ко мне пристаешь.

Если честно, так зла была, что, быть может, так и поступила.

– Мы теперь и поговорить спокойно не можем?

– А ты считаешь, что я наслаждаюсь общением с тобой?

– Да я не о том...

– А вот я буду всегда о том, пока не сотрется хоть немного в памяти.

– Тебе Алла Николаевна звонила? – вдруг меняет тему.

– Да, но я работала. Сказала, что перезвоню.

– И мне звонила. Спросила, приедем ли мы на день рождения школы.

– И? – вскидываю бровь и хмурюсь.

– Я сказал, что приедем.

– Ответил за нас обоих?

– А ты хочешь, чтобы я всем рассказывал о наших проблемах по телефону.

– Я поеду в интернат одна.

– Вместе. Не дури. Я, как всегда, попрошу Котова...

Закатываю глаза и отворачиваюсь, не желая мириться с его упрямством, и вижу маршрутку.

Наконец-то.

– Ты не слышишь меня?

– Че на автобусе тащиться? Вместе поедem и все, я сам за машину заплачу.

Не отвечая ему разворачиваюсь и кое-как проталкиваю себя в массу из людей, которых битком в маленьком пространстве.

– Дианка... Ты согласна? – слышу мужа голос, но уже не пытаюсь даже реагировать. Хватит.

С этим разводом и нервотрепкой от Паши я забыла о торжестве, которое наш детдом празднует каждый год. Мы не пропустили ни разу. Нашу пару всегда встречали с улыбками. Восторгались нашей семьей и успехами. К сожалению, не все наши смогли удержаться после выпуска с гордо поднятой головой. Пара девчонок вообще, бросив учебу, спились, а ведь нам всего по двадцать восемь. Правда, осуждать не тороплюсь, каждый сам решает за себя.

В этом году юбилей. Семьдесят лет со дня основания, значит, праздник будет невероятным. Пять лет назад шикарные столы накрывали новые спонсоры, те салюты я не забыла до сих пор.

Когда мы еще там учились, подобного не было. Всегда скромно, зато концерт шикарный. Дети были и есть артистичные, с нашей-то любимой Светланой Геннадьевной, ответственной за художественную составляющую нашей жизни иначе не бывает.

Вспомнив о жизни в детдоме, внутри вдруг все сжалось.

От любви к этому месту, от счастья, которое я испытывала каждый день, бурю радости. Одиннадцать лет жизни, бок о бок с учителями и воспитателями, которые были с нами и днем, и ночью.

Я никогда не смогу забыть то уважение от вложенных в нас сил и любви от всех педагогов.

Размышляю о цветах, которые дарю воспитательнице в каждый наш приезд, и с улыбкой вспоминаю ее слова. Неизменные с годами: «Ну вот зачем, Дианка? Лучше бы шоколадку купила или оставила на что-то полезное». И ведь не докажешь, что ты от всего сердца выражаешь свою благодарность за годы теплоты и добра нежных рук, так похожих на мамины.

Дома созваниваюсь с Аллой Николаевной. Уточняю дату и время, избегая вопросов о нас с Пашей, и прощаюсь, не желая расстраивать.

– И что? согласишься? – вытянув с блаженным стоном свои длинные ноги, спрашивает Люда.

– Нет. Мне спокойней на автобусе. Я так зла на него.

– Я же сказала, разведут в любом случае.

– Просто его упертость. Это же глупо.

– Он рассчитывает на то, что возьмет тебя измором. Правда не понимает, что это в отношениях не работает, когда на-косячил так... как он, в общем.

– Я думала, Люба пойдет в атаку теперь. Двери же откры-ты.

- Ой знаешь, что самое забавное в этой «неразделенной любви»? Что она сильна, когда не твоя.
- Плевать. Пусть делают что хотят.
- Вот это моя Дианка, – усмехается подруга. – Что там с квартирой? Ты по-прежнему настроена?
- Ага. Вернусь после этих выходных и поеду смотреть.
- И горжусь тобой и по заднице настучать хочется. Я ж квартплату не беру, живи да за коммуналку плати, остальное откладывай, но нет же...
- Вот значит, гордись.
- Горжусь, что поделать. Вещи собрала?
- Да. Мне-то надо платье и сменку на воскресенье. Жаль, ты работаешь.
- Мне прошлой поездки хватило.
- Я не думала, что тебя так растрогает та поездка.
- Может мне и правда усыновить ребенка?
- Стоит поискать другую работу, или попросить иной график, сама знаешь.
- Знаю и это не проблема.
- Эта тема сложная и не подходит для такого вечера с бокалом вина.
- Ладно, потом.

Глава 8

Поездка в два часа вышла нормальной. Я весь путь читала. А если нет, то смотрела на бескрайние поля. Погода все больше напоминала, какое время года совсем скоро возьмет бразды правления, и потому утепленное пальто спасло от холода в сочетании с уютными полуботинками.

Родной городок, где располагался мой дом. А никак иначе я не называла детский дом, встретил узкими улицами и небольшим количеством людей. Весьма дешевое такси и вот я на месте.

Прошло немало лет, а я, снова оказавшись напротив ворот интерната, ощущаю на глазах слезы. Помню, как было страшно ступать за порог. Помню, как колотилось сердце при мысли о том, что завтра я уже не буду обедать в привычной столовой за десятым столом, что свою посуду я буду мыть сама, что никто не скажет: «Пора спать!».

Это было время перемен. Удивительно, ведь сейчас у меня точно такой же период. Но мне уже не семнадцать. На десять лет больше, а я снова потеряна.

Вздыхнув, я вошла в синие ворота и сразу же перенеслась куда-то далеко.

Встреча с директором и многими воспитателями, которых я помнила, вышла эмоциональной. Но самой-самой, была од-

на-единственная.

Наша Алла Николаевна по-прежнему была воспитателем отряда девочек. Сейчас ее отряд – это шестиклассницы. И через три года она снова будет прощаться с теми, кого вела с пятого по девятый.

Я робко постучала и, открыв дверь, оказалась в родной «игровой» комнате. Там, где проводила больше всего времени в течение суток. Все наши дни после школы до самого отбоя.

– Ах... – глаза женщины засветились, а губы тронула улыбка. – Диана.

– Здравствуйте, Алла Николаевна.

После череды объятий и приветственных слов мы сели за ее воспитательский стол с двумя чашками чая.

– Ты приехала одна?

Конечно, от нее не укрылось мое присутствие в единственном числе. Хоть Паша и был в отряде мальчиков, и у него был свой воспитатель, Алла Николаевна питала к нему свои материнские чувства.

– У нас все стало очень сложно. Если честно, – вздох оседает в легких какой-то невыносимой тяжестью, прежде чем произнести правду, которая лучше, чем что-либо другое охарактеризует наши отношения. – Мы разводимся.

– Господи, как же такое произошло?

– Вот так, – смогла ответить, не в силах открыть всю правду.

– Ну ничего, случается и такое.

Ближе к пяти часам во дворе интерната появились машины выпускников прошлых лет и администрации.

Мероприятие планировалось большим.

В актовом зале ребята готовились к концерту. Гости сновали, туда-сюда рассматривая изменения родного дома, которые произошли за столько лет после нашего выпуска.

На стендах в длинных коридорах объединяющих здания разных предназначений украшали работы сирот, которые сегодня были рады праздновать день рождения дома, который дал им так много тепла и уюта.

Я смотрела по сторонам на картины, вышитые изонитью, бисером. Нарисованные акварелью, когда слышала до боли знакомый голос. Голос, который стал криком из прошлого. Который воззвал к моим чувствам давно ушедших лет.

– Диана?!

Вопрос или все-таки утверждение?

Повернула голову и увидела его.

– Антон?

Грудная клетка кое-как удерживала сердце, что норовило выскочить из нее и умчаться вскачь к человеку, которого считало самым близким другом.

– Антон...

Больше не спрашивала.

Я смотрела на него. Кудри русых волос. Серые глаза с вкраплениями темных пятнышек. Сильные руки. И улыбка.

ка... Самая яркая из всех, в окантовке пухлых губ.

– Дианка, – голос взрослого мужчины, к которому я не привыкла, но все еще его.

Человека, который однажды решил уйти и оставить в прошлом нашу дружбу. Человека, который по-прежнему всплывал в моей голове и не давал покоя вопросами «Почему?».

Глаза, переполненные слез тоски, смотрели на него, пока ноги несли вперед.

– Привет...

– Привет...

Остальное осталось вовсе не важным, когда мы притянули друг друга в крепкие объятия. Самые крепкие из тех, что могли себе позволить.

Антон

Я мог тысячу раз прокручивать момент возможной встречи с Дианой Поповой. Девчонкой, что стала единственной, о которой я мог мечтать в школьные годы.

И, конечно, я знал о ее жизни некоторые факты. Но не более.

Импульс ревности был сильным. Еще тогда в десятом классе, когда понял, что не могу оставаться другом для нее и, соответственно, для Пашки. Да и как можно пояснить, по-

чему ты вдруг решил отойти в сторону, если был только другом. Никто бы не понял. Тогда это казалось отличным решением, просто свалить из этого трио. Потом, когда я стал откровенно понимать, что поступил как мудака и нашел их в соседнем городе от нашего детдома, Павел дал понять, что не желает моего появления в жизни его будущей жены и его соответственно. Извинения были лишними. Пояснения никто не просил. Поэтому я просто сказал: «Пока», попросив передать от меня «привет» девушке.

Дальше я узнал, что они поженились. И в конечном счете начав свою практику, погрузившись в работу, о которой грезил многие годы, я отошел в сторону на самом деле.

И вот она стоит напротив меня. Вся такая естественная. Взрослая женщина, ставшая еще прекрасней, а ты кажешься тем же парнем Антоном, которого она запомнила. И сам веришь, что ты все еще тот человек.

Она приблизилась ко мне так быстро и прильнула в объятия, что я и сам позабыл обо всем на свете. И о той, что стояла рядом со мной.

– Поверить не могу, что это ты... Господи, – ее объятия стали еще крепче, как, впрочем, и мои.

Она была такой же худышкой, такой же красивой и милой. Ее голос стал немного другим, появились грани, отделившие тон от девичьего, но это была все еще Диана.

– Привет, – наконец, шепнул я ей на ухо с трудом проглотив воздух, пропитанный ею.

Мгновение встречи, первой за долгие годы перенеслась в настоящее, где ему было место, и она отстранилась.

Мы посмотрели друг на друга, стоя все еще близко и улыбнувшись рассмеялись. Ее удивительные серые глаза, зрачок которых был обрамлен коричневой дужкой с неровными краями, вдруг заблестели.

– Эй... По-прежнему плачешь по любому поводу? – коснулся ее щеки и резко щелкнул по подбородку.

– Уже нет, но, когда вижу человека, который был дорог мне, а потом вдруг исчез, да.

Все такая же милая и трогательная.

Раньше эти мысли в голове занимали другие слова, подвластные пацану в шестнадцать лет. Сейчас я нахожу самые подходящие и живые, точно описывающие ее. Ту самую Диану.

Чувство вины от ее слов стало увеличиваться. Оно бы достигло апогея, если бы негромкое покашливание сбоку от моего левого плеча.

Черт.

– Здравствуй, ты, видимо, школьная подруга Антона? – Лиза протянула руку, и девушка резко переменялась, но быстро взяв себя в руки, отметила все важные аспекты. Ладонь на моем локте и близкое расположение моей девушки.

Диана отошла немного назад, увеличив расстояние, и улыбнулась.

– Мы вместе учились. Я Диана.

– Лиза, девушка этого красавчика.

В моих волосах внезапно появились женские пальцы и тут же пропали, почесав затылок. А в голове вдруг всплыло воспоминание, слишком яркое несмотря на то, что было оно, кажется, сотни лет назад.

« – Ну немного, Ди, бошка отваливается, – падаю на диван и кладу голову на колено девушки, услышав, как с другой стороны лег Паша.

– Нет, сказала, я не массажист. Вон отсюда, еще и потные.

– Жалко, что ли? – вдвоем притворно заныли.

– Отдадите мне свои пряники с полдника, – слышим условие.

– Да хоть десять, только помассируй.

Закрываю глаза и чувствую, как в мои волосы притискиваются тонкие женские пальцы.

Это был наш общий ритуал. Возможно, в те самые моменты придя с футбола и прося ее с Пашей об этом, я уже понимал, что прошу ее об этом не для массажа, а для того, чтобы чувствовать хотя бы так».

С тех пор я полюбил массаж головы.

Сейчас, смотря на нее, я понимаю, что она и сама вспомнила те самые отрывки общего детства.

– Рада познакомиться с вами.

– А где Паша?

И тут взгляд напротив потупился.

– Он... Он уже скоро... Ну как ты поживаешь?

Что-то не так!

– Я...

– Он прекрасный специалист и...

– Вот ты где, а я тебя ищу везде, – услышали голос Павла и словно все, что было до этого, рухнуло в пропасть.

Я столкнулся лицом к лицу с тем, от чего однажды убежал.

Но мне не шестнадцать. Мы не в выпускном классе. Нам по двадцать девять, рядом стоит моя девушка, а передо мной женатая пара. Друзья моего детства.

– Тоха...

– Привет.

Он подошел и обнял меня, пожав руку. Но я смотрел только на Диану, которая отвернулась от своего мужа и встала немного дальше.

Глава 9

– Какая встреча, – воскликнул Паша, пока не обратил внимание на стоящую рядом со мной Лизу.

Я обвил талию девушки своей рукой и представил их друг другу.

Павел встал рядом с Дианой и сунул свои руки в карманы. Хм.

– Итак, вот мы и здесь. Все вместе. Ты к Жанне Григорьевне уже ходил?

– Нет. Мы только приехали. А вы как давно тут?

– Я почти с утра, – подает голос притихшая Диана.

– Примерно столько же. Пойдем вместе, – предлагает друг. – Посмотрим, кто там сейчас в наших игровых живет, что за саранча.

– Вы идите, а я пойду найду учителей. Еще не виделась с ними и Светланой Геннадьевной.

– Диан, вместе потом... – его рука потянулась к ней, но девушка остановила его взглядом, буквально в наносекунду.

– Увидимся, – ее глаза остановились на мне с теплом и особенным блеском, который, похоже, видел только я, затем повернулась к моей девушке. – И Лиза, рада познакомиться с тобой.

– И я.

Они улыбнулись друг другу, прежде чем Ди ушла.

Хотелось, как всегда, пойти спросить в чем дело, предложить набить морду любому, кто обидел, но мы уже не в том возрасте. У нее проблема с мужем, как и у всех случается. Эта поездка для нас с Лизой тоже попытка восстановить утраченное после двух лет, проведенных вместе. Поэтому я взял ее за руку и повел по длинному коридору к столовой. Дальше свернул в другой, который выходил в «игровой корпус».

До самого празднования я больше Диану не видел. Паша появлялся порой на глазах, но каждый раз был занят разговором с кем-то.

В три часа нас пригласили на обед. Народа было много. Столовая казалась маленькой комнаткой. Раньше сюда входили мы юными парнями, тощими невысокими. Сейчас тут было три дюжины мужчин и столько же прекрасных женщин разных возрастов.

Черт, мы и правда повзрослели.

Приятной стала встреча с теми, кто был из числа первых выпускников. Нас посадили почти буквой «П» и удалось вести беседу со всеми, не поворачивая головы, как бывало раньше во времена учебы, если надо срочно, а затем получить подзатыльник, чтобы смотрел в свою тарелку, а не по сторонам.

Лиза была впечатлена и постоянно норовила расплакаться. Ее трогает эта часть моей биографии. Она находит в этом

свое восхищение, когда сам я, не вижу ничего такого в том, что сирота с рождения и живу в столице, работая в хорошей клинике.

Дальше мы все разошлись на экскурсию. Нам показали планы, начатый недавно ремонт, проводившийся сейчас в спальном корпусе на этаже парней. Надо признать, в наше время такого комфорта мы не видели. Но я счастлив, что находятся организации, которые спонсируют подобные улучшения. Мы даже не знали каково это – жить с кондиционером жарким летом. Сейчас они в каждой игровой и спальне.

Концерт начался в шесть.

Жаль, что сейчас не лето. Мне нравились праздники в то время года. Столы накрывали на улице, например, на выпускной. И мы танцевали под открытым небом получив аттестат, не подозревая, что спустя десять лет окажемся тут, но уже не такими, как раньше.

Администрация подарила разные плюхи для детей. Мебель, одежда и прочее. Выпускники, то есть мы, собрали деньги на новый проектор и небольшие подарки всем учащимся. Малость, но я знаю, какой приятной она бывает.

Ужин, затем салют и как же без танцев.

Все эти несколько часов программы возможности поговорить с Дианой не было. Да и Лиза требовала внимания, как и само мероприятие. А поговорить, если честно хотелось. Все-таки уже завтра мы разведемся очень далеко.

– Так и будешь ходить и смотреть по сторонам? – Лиза не

выдержала и начала предъявлять претензии.

– Прости, много эмоций и тех, кого давно не видел.

Она просто кивнула, а я понял, что реально поступил неправильно с ней. Воспоминания о прошлом сыграли злую шутку с настоящим, и я отвлекся.

– Простишь? – шепнул на ухо ей и, уловив намек на улыбку, успокоился.

Пока все смотрели салюты, стулья в актовом зале убрали и расчистили танцпол. Малышня разошлась спать, а старшие классы до одиннадцати могли почувствовать себя взрослыми.

Частично гости и чиновники разъехались. Воспитатели, учителя тоже стали собираться.

– Устала, – Лиза вытянула ноги вперед, сидя на мягких стульях.

– В гостинице помассирую тебе ступни. А пока что я прощаюсь со всеми.

– Хорошо, Антош. Буду здесь тебя ждать.

Начал с тех, кого поймал на выходе. Проводив к воротам Жанну Григорьевну, поздоровался с ее мужем. Он, как обычно, забирал ее после работы. Разумеется, мы все были с ним знакомы. Мужчина пожал руку и поехал. Когда стал идти к корпусу, заметил стоящую одиноко Дианку и подошел.

– Скучаешь?

– Нет, вечеринка удалась на славу. Столько апельсинового сока я давно не пила.

– А раньше не могли дождаться очередного праздника, чтобы нахлебаться его.

– Это да. И вода тут будто вкуснее.

– Тоже заметил. Наберу себе пару бутылочек.

Мы тихо засмеялись даже несмотря на то, что шутка вышла кривой.

– Как ты? – сунул руки в карманы и встал плечом к плечу едва соприкасаясь.

– Не знаю. Наверное, хорошо. Этот вопрос, кстати, один из самых сложных.

– Правда? – взглянул на нее и сразу отвернулся, продолжая смотреть вперед на проезжающие мимо редкие машины.

– Потому что каждый раз думаешь, как правильно ответить.

Сейчас она словно упрекала меня в том, что больше не в круге ее доверия, будто ломаю ее привычную зону комфорта.

– Почему? Разве нет желания ответить как есть?

– Чаще всего нет, – уловил ее движение головой.

Диана смотрела в бескрайнее небо, и в этой темноте я не видел ее лица, потому что фонарь светил нам в спины.

– Даже мне? – она повернула свою голову ко мне. Красиво подсвеченное лицо с одной стороны, словно ничего не выражало. Только глаза... Они так и не научились лгать, выдавали странную правду.

– Тебе особенно.

Диана

Это так странно.

Почему-то всегда, стоило мне задуматься о времени прошедшем после детдома, было стойкое ощущение, что мой мир двигался дальше, а у других стоял на месте. Время замерло. Почему я так думала, не знаю. Может, потому что не видела, как со временем меняются другие люди, а наблюдала лишь за своей жизнью.

Я вышла замуж за своего парня, которого любила с восьмого класса. Мы окончили институты. Сняли квартиру. Копили на свою собственную. Жизнь и не думала останавливаться. И вот я стояла и смотрела на то, как мой друг, который словно испарился из нашей жизни десять лет назад, превратился в мужчину. Имеет личную жизнь и... Просто живет. Как и остальные.

И тут отчего-то выползает моя боль. Словно умоляет о том, чтобы кто-то был рядом и был не таким счастливым. Конечно, я рада за Антона. Его успехи, о которых я так и не успела услышать, но стоя рядом с Пашей, мне нечего было сказать больше о своей жизни.

Мне казалось, что у меня все идет вперед. Есть о чем гордиться, но замок на моих губах было не снять.

Я бухгалтер небольшой фирмы, мне двадцать восемь, и я

живу у своей подруги, потому что на носу развод. Неужели это вся моя биография за десять лет?

Именно поэтому я не хотела там оставаться. Убежала прочь. Я не стану жаловаться. Мне предстоит начать все заново? Я это сделаю. Просто сейчас я уязвима.

Успех не случается за один день. Но распасться все может и за мгновение.

Стало откровенно стыдно за свой эгоизм. И потому пришлось взять себя в руки. Я не видела его столько лет и не могу взять и испортить эту короткую встречу.

Но в итоге мне пришлось прятаться от Паши. Избегать его. Стоило мне попытаться подойти к Антону, как он появлялся на горизонте. Да и взгляд Лизы мне откровенно не нравился. Она не жаловала друзей своего парня. Странно это, ведь он с ней... Внутренний голос рассмеялся надо мной.

Паша был идеальным мужчиной. Антон идеальным другом.

Когда хаос заполонил весь разум, я решила остановиться. Просто иначе, это приведет к какому-нибудь срыву.

Сработало.

Я успокоилась. Стала наслаждаться этими моментами, которые останутся в памяти до следующего визита в родной детдом. Потом вышла подышать воздухом и легкие стянуло оттого, что выдался момент поговорить.

Этого избегать я не хотела.

– Как ты? – спросил так просто, словно мы виделись вчера еще, а не десять лет назад.

Черт, а ведь это действительно большой срок.

– Не знаю. Наверное, хорошо. Этот вопрос, кстати, один из самых сложных.

– Правда?

– Потому что каждый раз думаешь, как правильно ответить.

Это правда. Порой сами люди спрашивают это не потому, что на самом деле желают знать как твои дела.

– Почему? Разве нет желания ответить как есть?

– Чаще всего нет.

Подняв голову, я смотрела на небо, слишком звездное для этой странной ночи.

– Даже мне?

Меня удивил его вопрос. Не должен был, но удивил.

И я поняла одно, что просто не хочу ему говорить ничего из того, что вызовет жалость. И жаловаться в целом. Не потому, что стыдно. Потому что мы взрослые люди, и есть вещи, которые однажды меняются.

Я скучала по другу, но внутри я на него обижена.

– Тебе особенно.

– Заслужил, – опустив голову, он пинает маленький камешек гравия.

– Ничего ты не заслужил. Для всех мы выбираем один ответ: «Все хорошо».

– Вот именно, для всех.

– Брось, Антон. Я не хочу говорить о том, что ты сбежал кучу лет назад, а сейчас обижаешься из-за того, что ты не на первом месте в моем списке доверия. И этот вечер не для грусти.

– И все же...

– Никто никому ничего не должен, – заключаю и решаю перевести тему: – Завтра приедешь на матч, против воспитателей?

– Не могу. У Лизы работа в понедельник с самого утра, нужно отдохнуть после длинной поездки.

Мы замолкаем на пару секунд.

– Знаешь, теперь увидев тебя и твою девушку сейчас, я понимаю, почему ты не встречался ни с кем из девчонок. Кстати при этом, разбив немало сердец.

– О, неужели? Интересно послушать твою версию, – сложив руки на груди, он поворачивается и по-мальчишески кивает, чтобы начинала.

– Ну, я вижу эту девушку. Она такая серьезная, дерзкая, прямая, уверена, что потрясаяще умная. Еще красивая, разумеется, – с каждым словом он сильнее шурил. – В общем, Юлька Усякова, которая так и не дождалась от тебя приглашения потанцевать на выпускном, тоже согласилась бы со мной, что никто бы не сравнился с твоим идеалом.

– Какой глубокий анализ, – как-то невесело отвечает.

– Скажем так, она умеет себя подать. И я за тебя очень

рада, Тош.

На мои слова он ничего не говорит больше, и мы снова замолкаем.

Странно, что общение слишком натянутое. Хотя, может, мне так кажется, потому что другого Антона я и не знала никогда.

– Мне жаль, что мы потерялись, – громом его слова меня придавливают к земле.

– И мне, – в горле образовывается ком, который мешает дышать, а еще дурацкие слезы откуда-то возникают.

– Я должен идти.

Отчего-то эта фраза звучит странно.

– Конечно, – поворачиваемся друг к другу.

Я пытаюсь улыбнуться, в то время как он угрюм, а может, просто устал от насыщенного дня.

– Иди сюда, – он раскрывает руки, и я быстро оказываюсь в его теплых дружеских объятиях.

Пытаюсь не делать эти прощальные объятия слишком крепкими, но наши руки слаженно стискивают друг друга все сильнее.

– Я рада, что мы встретились сегодня, – шепчу, будто тайну.

– И я, – ответ звучит еще тише.

Мгновение становится душераздирающим и если он продолжится, то я просто разревусь. Но этого не случается, потому что...

– Антон, – доносится с крыльца школьного корпуса голос его девушки, и мы оба ослабляем хватку рук, опуская их. – Ну я жду.

– Иду, – кричит, не оборачиваясь.

Он смотрит на меня, быстро бегая глазами по лицу, а потом коснувшись щеки большим пальцем, улыбается, прежде чем развернуться и уйти, сказав, что мы сплшемся или созвонимся. Я наблюдаю за тем, как они садятся в его глянцевую, черную машину и, проезжая мимо меня, посигналив, скрываются за воротами детдома.

– Созвонимся или сплшемся, – повторяю его слова, зная, что номер он мой даже не взял.

Глава 10

Следующий день прошел, как и всегда после празднования дня рождения интерната. Выпускники играли в волейбол против учителей и воспитателей.

И как любит повторять наш физрук. Да и все взрослые «Победила дружба!».

Уезжать было до ужаса тоскливо.

Паша ходил по пятам начиная с того момента, как увидел меня и Антона за разговором.

– Как поговорили? – спросил он тут же подойдя, как только друг и его девушка уехали.

– Отлично, Паш.

У меня не было настроения разговаривать. Я хотела найти Аллу Николаевну и пойти с ней домой, так как она предложила переночевать у нее. Но Паше, видимо, было важно высказаться именно в тот момент, и он последовал за мной.

– Вы так мило смотрелись, разговаривали. О чем, Диан? Рассказывала, как плоха твоя жизнь? Завидовала его девушке, не так ли?

Абсурд лился потоком, за которым я не успевала поспевать, чтобы хоть немного понять смысл.

– Ты что несешь? – кровь закипала с невероятной силой.

– Тачку его видела?

– И что? Мне какое дело до его тачки?

– А то я не видел, как ты смотрела, как он уезжал.

– И что же ты видел? – я, не выдержав, остановилась и посмотрела на него, уперев руки на талию.

– Зависть?

– Так утверждение или вопрос? Потому что все, что ощущала я, это тот факт, что наш с тобой общий друг впервые за десять лет был рядом. И искренне переживала из-за того, что у нас было мало времени на общение. Мне кажется, ты переложил со своей головы на мою, мысли, которые боялся сам озвучить. И еще, я гордилась им, вот что я ощущала по-настоящему.

– Ну, конечно.

– Я не поняла, о чем речь? О чем претензии? Я не обязана перед тобой отчитываться. Мы чужие с тобой люди, или для тебя все шутки? Так вот, нет. Нас разведут, хочешь ты этого или нет. Почему я должна тебе об этом говорить снова и снова?

– Я совершил ошибку, и теперь ты меня распинать будешь до конца моих дней? Я сожалею о том, что сделал.

– Нет, Паш. В том и дело, мы с тобой уже разошлись, и мои претензии ты больше не услышишь, потому что не увидишь. Это действительно точка, прими данный факт.

– Так просто? – останавливает, когда я снова начинаю уходить.

– Что просто?

– Расстаешься. Вот так просто?

– А тебе просто было утешить Любу своими причиндалами?

– При чем здесь это?

– О, ну конечно. Изменил – все норм, я извинился. Понести ответственность – так виновата Диана, что прощать не хочет. Да? Этому не бывать, Паша. Никогда.

С утра стоило нам прийти с Аллой Николаевной в интернат, так он снова за свое.

Ночью перед сном, я рассказала ей все. Она, итак, сама заметила, что все не очень гладко, но никак не ожидала, что все настолько плохо. Поэтому пыталась меня оградить от Павла и его навязчивого общения.

И вот момент наступил. Снова дорога.

– Все будет хорошо, ты ведь это знаешь, Диан.

– Угу.

Мои глаза стали влажными, когда я обняла ее и села в такси, которое доставило меня на вокзал.

Дома у Люды я остаток дня была одна. Потому что она работала, но мы созвонились и я принялась готовиться к рабочему дню, а после легла спать, приготовив ужин для подруги.

Следующие несколько недель прошли довольно быстро. Что самое интересное, Паша сдался. Не напрягал общением. Отступил. Я выдохнула вроде бы.

Старалась сделать вид, что не жду весточки от Антона. Но с каждым днем успокаивала себя тем, что мы взрослые лю-

ди. И все что было – было прекрасно. Наша дружба, воспоминания. Но это закончилось, и пути разошлись.

Так интересно получается. Ты перестаешь что-то ждать и надеяться, как оно сразу же случается.

Я вышла с работы, когда мой телефон завибрировал, все еще находясь на беззвучном режиме.

В маршрутке была такая толпа, что я не стала и пытаться, доставать мобильный. А дома обомлела.

«Привет) Вроде бы не взял твой номер, а написать или позвонить очень хотел. Пришлось импровизировать и выпрашивать его у твоей воспитательницы. Надеюсь, ты не против? Самое время спросить: как твои дела, Диан?»

Мне пришлось прочесть смс трижды, чтобы поверить в то, что он мне и в самом деле написал.

– И чего это мы так улыбаемся? – спросила Люда, от которой не ускользнул факт сменившегося настроения.

– Прикинь, Антон написал.

– Который, как последняя какашка перестал с тобой общаться? Надо же.

– Ну, прекрати. Я уже давно забыла об этом.

– И расцвела. Не забудь спросить, как там поживает Лизочка.

– Ну Люда.

– Что? Твой Черныш повел себя некрасиво.

– Чернов. И, возможно, у него были причины.

– Например?

– Он был занят?

– Десять лет? Мы говорим о президенте?

– Ой все. Мы друзья и я рада, что он написал мне.

– И я рада, что вы друзья.

– К тому же что здесь такого? Люди расстаются и потом снова продолжают общение.

– Да ничего, все верно ты говоришь. Я вообще просто предложила передать привет Лизе. А ты перышки распустила.

– Так, я поняла, – взяла телефон и ушла в свою комнату, но слова подруги все-таки заставили меня задуматься о многом, прежде чем продолжать переписку с прежним энтузиазмом.

В принципе очень скоро, у меня появились другие мысли, другие заботы.

Судья назначила день развода. А за день до него я обнаружила задержку. Потому что со всеми этими событиями забыла, что перестала принимать таблетки, ведь мы хотели стать родителями с Павлом. Мы только начали планирование, не могла же я сразу забеременеть?

– Ты можешь в это поверить?

Я сидела на крышке унитаза и смотрела на узкую полоску в своих руках, которая бордовыми линиями говорила о том, что во мне зародилась жизнь.

– Дорогая, я могу в это поверить. Я вижу доказательство наличия в твоей матке ребенка. Думаю, тебе тоже стоит в это

поверить.

– Может купить тест подороже. Я видела там за триста или пятьсот рублей.

Все еще искала способ, который мне покажет иной результат.

– Послушай меня, – Люда подошла и села передо мной, взяв в свои руки мои ладони. – Есть небольшая вероятность ошибки. У тебя выдался дерьмовый месяц, а организм все-таки живой.

– Небольшая? Кажется, это уже много, – с воодушевлением перебила ее.

– Диан, сходи и сдай завтра кровь.

– У меня завтра развод, Люд. В десять часов. Боже... – я только сейчас вспомнила о том, что завтра мы официально разведемся с мужем. – Что мне делать?

– Жить с ним из-за ребенка?

Ее предложение меня поразило и ударило в самую грудь.

– Что? Нет. Никогда, – я запротестовала очень громко. – Ты чего?

– Ну вот, на вопрос ответила.

– В каком смысле?

– Иди и разводишься. А потом расскажешь Пашке обо всем. Пусть знает гад, что потерял еще больше, чем жену.

Ее предложение казалось разумным, поэтому я ненадолго задумалась об этом, но она истолковала по-своему молчание.

– Что? Считаешь, что он этого не заслужил? А ребенку

будет весело расти в семье, где мать и отец чужие люди? – подруга переходила на ее командный и высокий тон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.